

Анастасия Попова

Тигра



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Попова

Гидра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42330315

SelfPub; 2019

Аннотация

Фрида живет в стране пластилиновых человечков. Есть такая легенда, что с тем, кого выберешь ты, если он выберет тебя, из окна, которое выберет вас обоих можно гулять по облакам. И это самое большое счастье на свете. Но один человечек приватизирует озеро денег и вокруг него начинают слепляться остальные, в итоге образуя чудовище, которое разрушает университет, крушит киоски, ломает все на своем пути – Гидра.... Как Фриде ходить по облакам, жить и работать, если мир превратился в чудовище? Художник обложки Прядко. Л. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	4
2.	11
3.	18
4.	23
5.	31
6.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

1.

- ... и мы пошли по облакам.

- Что значит, пошли по облакам?

- Ну, вот так, взялись за руки, встали на окно и шагнули в небо. Если б ты знала, как это... Такое сразу тепло... Не жара, как летом, что невозможно дышать, а такое тёплое тепло. Ну... как будто приходишь с мороза, и тебе сразу тепло. Можно соприкасаться только кончиками пальцев, и ты всё равно не упадёшь. Но я взяла его под локоть, – Вита мечтательно закатила глазки, – По небу идёшь, а ногам мягко, как будто идёшь по... Не знаю, как это. Наверное, похоже, как по воде, но не так всё равно. На облака наступаешь, как на вату, но не проваливаешься. Хочешь, стоишь на облаке, хочешь, идёшь дальше...

- Страшно. Я вообще высоты боюсь, – сказала я.

- Нет, не страшно. Там не высота. Там невесомость. И это клевая невесомость. Просто, знаешь, когда ты с этим человеком, ты не думаешь, что можно упасть, ты только думаешь: «Какое счастье, что он со мной». Ну, знаешь, как бывает, есть места, где тебе однажды было хорошо. Не люблю этого слова... комфортно. Со всех сторон клёво. И ты хочешь в этом месте остаться навсегда. У тебя такое бывает?

- Нет.

- Да врёшь ты, у всех бывает.

– Было один раз, мы приехали во Владивосток к родственникам, я сидела на дереве, дерево качалось, а я книжку про троллей читала. Я потом эту книжку потеряла и нигде не могла найти. Хорошая книжка... Мне тогда лет десять было. Почему вспомнила – не знаю. Я это дерево часто вспоминаю. В него я бы хотела вернуться...

– Так вот, там, на небе, всегда хорошо. Хочешь, чтобы играл рок, будет играть рок, хочешь попсу, будет попса. А, впрочем, не так. Какая-то музыка будет играть, и потом ты будешь думать, что она самая клевая.

– Даже частушки?

– Даже частушки.

– Ой, я не хочу, чтоб на моём небе пели частушки.

– Дура, если там будут петь частушки, они для тебя будут самые клевые, и ты всегда, когда будешь слышать эти частушки, будешь вспоминать небо...

– Я не хочу всё равно. Я ненавижу частушки!

– Дура ты, так ничего и не поняла. Там вообще может не быть музыки. Просто если она будет, ты будешь помнить её всегда. А ещё там можно увидеть город, как на ладони.

– А он и отсюда, как на ладони.

– Да отсюда не то. Отсюда ты смотришь. И просто город, просто люди. Просто огни. Просто море. Отсюда просто вид из окна. А там, ты как будто над всеми. Все чем-то грузятся, а ты ничем не грузишься, ты просто гуляешь по небу. С ним.

– А с девчонкой можно гулять по небу?

– Если ты лесбиянка.

Вита громко захохотала.

– А ты лесбиянка?

– Нет.

Конечно, нет. Просто я подумала, что было бы здорово гулять по облакам. С Витой. С ней не страшно, она же это делала. Многие мои знакомые девчонки тайком жаловались, что хотели бы гулять по облакам, но не могут никого найти. А то, что нашла Вита, в этом не было ничего особенного. Вита как будто бурлила. Как будто цвела. Она постоянно фонтанировала идеями, шутками, историями. Вокруг неё всегда собиралась компания. Пацаны, девчонки, дети, даже кошки и собаки. А один раз голубь прилетел. Она часто менялась. Она любила яркие одежды, и вплетать в волосы цветы. Вита была очень-очень живая. Такое человеческое олицетворение жизни. Если бы я была парнем, или хотя бы лесбиянкой, я бы хотела гулять по небу с Витой. И я понимаю, почему именно ей это удалось.

– Гулять по облакам можно только с человеком, которого выберешь ты, и который выберет тебя. И только из окна, которое выберет вас обоих, – вдруг сказала Вита.

– А что будет, если человек не тот или окно не то?

– Вы разобьётесь.

– Пожалуй, найти человека несложно. По облакам любой дурак захочет гулять. Но как понять, что именно это окно выбрало нас? Это же невозможно.

Вита снова захохотала.

– С точностью наоборот. Человека найти очень сложно. Наверное, это самое сложное в жизни. Смысл не в том, чтобы с кем-нибудь, без разницы с кем, ходить по небу. Смысл в том, что тот человек, которого ты выберешь, он настолько клёвый. Со всех сторон клёвый, что не страшно выйти с ним в окно и разбиться. И для него ты такая же со всех сторон клевая, что ему не страшно тоже. А окно найдёт вас само. Если ты встретишь такого человека, вы просто однажды окажитесь в месте, где есть окно и решите «А не прогуляться ли нам по небу». И тогда вы будете ходить по облакам и купаться в невесомости. А если вы специально будете искать это место, вы рухните. Гулять по небу – это чудо. Это подарок. Его нельзя просчитать специально.

Тут дверь распахнулась, влетела Вера.

– Вита, Фрида, вы ещё здесь? Все только вас и ждут.

Мы огляделись – в аудитории мы остались одни. Все пошли на «эксперимент». Вита вскочила и побежала за Верой. Я попыталась их догнать, но они бежали слишком быстро. На лестнице... Я не знаю, то ли каблук подвернулся, то ли было скользко. Я полетела... Вроде не ударилась, но как-то глупо получилось. Девчонки остановились.

– Блин, у тебя вечно что-нибудь. Как с тобой сложно, – сказала Вера.

Наверх поднимались два парня. Тот, у которого были светлые в лёгкую волну волосы и длинные... длинные-длин-

ные ресницы, подал мне руку, потом, когда я встала, обнял за талию.

– Больно? – спросил он.

Я покачала головой.

– Идти можешь?

Я кивнула. Он улыбнулся. У него была нежная улыбка. Очень приятная улыбка, я такой никогда ни у кого не видела. А глаза какие! Какие-то искрящиеся.

– Точно всё нормально? Давай, мы тебя в травмпункт отведём, – настаивал парень, с которым я бы, наверняка, не отказалась бы гулять по небу.

– Хорошая отмаза для англичанки, – сказал второй.

– Точно. Давай, я же вижу по глазам. Больно ведь, да?

Я замотала головой, высвободила руку и побежала к девочкам. Я не ушиблась, и больно не было совсем. Но слёзы так и стояли в глазах. Просто как-то по-дурацки. Взяла, распласталась, ещё этот парень шёл, ещё Вера со своими комментариями. Ненавижу эту Веру! Все её считают такой прям красивой. Почему-то никто не видит её изъянов. Дураки, посмотрите! У неё на зубах коричневый камень! У неё вся шея в прыщах! У неё шесть пальцев на правой руке! Как можно этого не замечать? Вера жутко тупая! Она вобьёт себе в голову какую-нибудь глупость и носится с ней, как дурень со ступой. Как-то заявила, что человек произошёл от кружки или сосуда, Верочка это толком сама не знает. Ей говорят: «Спроси у яндекса, от кого произошёл человек». Но Вероч-

ка ни с яндексом, ни с книжками не дружит. И на пары ходит редко. Раз Верочке взбрело в голову, что человек произошёл от кружки, он от неё и произошёл. Обратное доказать крайне сложно. И ведь многие ведутся! Смотришь, через три дня полкурса считает, что человек произошёл от кружки.

– Может, реально в трампункт? – спросила Вита.

– Мне не больно, – рявкнула я.

– А чего ревёшь? – спросила Вера

– Просто обидно.

– Да, ладно, беда большая! Мы тебя и не такой видели, – пожалала плечами Вита.

– А мне на вас вообще наплевать. Перед этим парнем стыдно.

– Наплевать? Хамство какое, – сказала Вера.

– Который светленький, тебя за пояс держал? – спросила Вита.

– Ты мне про небо рассказывала. С таким бы... Или похожим на такого я бы не отказалась.

Вита засмеялась. Так громко, что проходившая в конце коридора деканша, оглянулась.

– С Амо, что ли? – переспросила Вера.

– Я не знаю, как его зовут.

– Светленький, который тебя обнимал...

– Ты его знаешь?

– Учится на пятом курсе. Кажется, уже работает... Хочешь, мы вам свидание устроим?

– Надо подумать.

– Давай, мы его заманим чем-нибудь к нам на перемену, а там вы с ним уже как-нибудь... – ухватилась за идею Вита.

Мы вошли в спортзал.

2.

На самом деле мы почему-то получились не совсем обычные люди. Глиново-пластилиновые. Я не знаю, почему это произошло. Наверное, в связи с теорией эволюции Дарвина. Пятнадцать лет нечего было есть, негде было жить, ни света, ни воды, ни тепла не было. Тут волей-неволей размякнешь и станешь менять форму. И думать разрешено стало по-всякому. Во что хочешь, в то и верь, только уважай то, во что верит другой. Вот и всё нехитрое правило. Короче, мы стали абсолютно одинаковые, состоящие кто из пластилина, кто из глины (а большая часть из смеси), не во что не верящие, могущие просочиться в любую щель без мыла.

Мы научились строить дома на длинных ножках, чтобы воры не залезли. Дома стали похожие на грибы. Знаете, как некоторые воруют? Особенно, если из одного пластилина, просачивается в замочную скважину, изнутри открывает дверь и всё забирает. А так, по стальной ножке, по которой пущен ток, да ещё и в мороз... Попробуй, залезь. Хотя есть умельцы, которые могут. Слава Богу, мой дом они обошли.

Когда ты сам приходишь домой, ты нажимаешь в пультике на кнопочку, вытаскивается лестница, по ней спокойно можно войти. Правда, зимой эти кнопочки заедают, приходится вызывать пожарников. Я уже подумываю, ни оставить ли мне лестницу всегда спущенной. Воровать у меня нечего.

Я студентка. Денег нет, еды тоже. Книг нет, и не было. Зачёты я стараюсь получать на халяву. До сих пор везло. Сегодня для таких, как я, вообще праздник.

Сегодня серию экспериментов над нами захотел поставить Влад Какойтович, не помню отчества. Нам сказали, что мы имеем право отказаться от участия в эксперименте, но те, которые не отказались, получают дармовые зачёты по физ-ре. И это весьма кстати. У нас полкурса висит на доске ближайшего отчисления именно из-за физ-ры.

Мы надели спортивные костюмы, выстроились в шеренгу. Спортзал был расчерчен линией. С одной стороны зелёное поле, с другой – жёлтое. Влад Какойтович встал на линию, открыл свою тетрадку. Потом он поверх очков осмотрел нас и произнёс:

– Сейчас вы будете бороться. Эта команда, – Влад Какойтович указал на жёлтое поле, – команда даунов, которые защищают права человека. Эта команда, – он указал на зелёное поле, – команда гениев, защищающих произвол власти. Если в какой-то из команд не одного человека, эксперимент считается проваленным, все получают незачёты по физкультуре автоматом. Итак, расходитесь.

– Я пойду на зелёное поле, я не даун – сказала Вита.

– Я тоже не даун, – сказала Вера и тоже перешла.

А я подумала, что лучше защищать права человека, хоть и будучи дауном, чем произвол власти, даже, считая себя гением. И осталась на жёлтом поле. Вся группа перешла на зе-

лёное.

– Почему вы решили остаться на жёлтом поле? – спросил меня этот странный мужчина.

– Потому что кто-то должен защищать права человека.

Все засмеялись, понимая, как они выиграли. Мне было обидно, что никто из моих подружек не остался со мной. И вообще никто не остался. Я подумала, что сейчас этот мужик, который нас разделил, перекинет ко мне половину группы. Так думали, вернее этого боялись, все.

– Правила бокса все знают?

Мы кивнули.

– Я объявляю бокс между жёлтой и зелёной стороной. Побеждает тот, кто первый отправит соперника в нокаут. Жёлтая, менее многочисленная сторона, должна отправить в нокаут каждого из соперников. Если не будет бокса и не будет нокаута, вся группа получает автоматически незачёт по физкультуре.

Я посмотрела на зелёную сторону. Там была вся наша группа, все 34 человека, минус я.

– Слушайте, это бред какой-то. Дураку понятно, кто победит. Девчонки, вы чего? Идите ко мне, хоть кто-нибудь.

Никто не пошёл. Тогда я сказала, что не участвую, потому что не хочу, чтобы меня побии толпой и села на скамейку. Тогда этот Влад Какойтович сказал, что мне незачёт автоматически. И, если сейчас на жёлтой стороне не окажется хотя бы один человек, незачёт грозит всем. Девчонки стали

выталкивать Ботану (нашу отличницу). Ботана царапалась, кричала, что получит этот зачёт и так, поэтому вообще откажется. Девки сказали, что с ней никто после этого не будет разговаривать. Мне стало жалко Ботану, я встала, а она села на скамейку. Я обозвала девок сучками.

– Да ладно, это же эксперимент, мы претворимся, что бьём тебя, ты претворишься, что побеждена, – сказала Вита, – зато все получим дармовые зачёты.

– А если я буду по-настоящему драться? Ты ко мне со своими бутафорскими полуударами, а я тебя чик и одной левой отключу? Я-то борюсь за права человека, а вы за какую-то хрень.

Наверное, зря я это сказала, потому что, когда прозвучал свисток, меня стали бить по-настоящему. Причём бокс очень быстро перешёл в какую-то девчачью потасовку. Вера схватила меня за руки, другие девчонки стали пинать. Я тоже отбивалась, что есть сил, потом меня кинули на пол, потом... Я не помню.

Я очнулась уже в больнице. Художник поправляла мне лицо. Зашла Вита. Она положила на стол яблоки и виновато отвела глаза.

– Прости, – сказала она, – руководство универа оплачивает твоё лечение. А я ещё слышала, что все препода тебе закроют незачёты и на всех экзаменах тебе гарантированы тройки. Ну, тройки, если ты совсем ничего не знаешь... Ес-

ли знаешь, будут натягивать на четвёрки и даже на пятёрки. Оказывается, Влад приехал к нам из Москвы, возможно, это какой-то начальник. Какой – Вита не знает, но преподы, декан и даже ректор вели с ним себя очень странно. Они разрешали ему проводить со студентами самые чудовищные эксперименты. Эксперименты, за которые самого Влада Каккойтовича, декана, преподавателей, некоторых студентов и даже ректора могли бы просто посадить. Чтобы не раскалить до предела личный и беличный (то есть, студенческий) состав учебного заведения, было решено превратить все прогулы в посещения, а двойки в тройки.

– Представляю, как с ума сходила Ботана. Она-то всё всегда посещала, – засмеялась я, – И что, у меня теперь по зарубежке четвёрка выходит?

– Конечно, и у меня, прикинь, даже у Серого между четвёркой и тройкой.

Серый – это парень Виты. Тот самый, с которым они гуляли по облакам. Честно говоря, совсем никакой малый, рассуждает как все, выглядит, как все, одевается как все. Короче, серый. Прогуливает тоже как все пацаны, то есть, практически не ходит на пары. Как ему удалось продержаться до четвёртого курса – великая загадка. Я всегда говорила Вите, что он ей не пара, а она отвечала, что я просто его не знаю.

– Да ты гонишь! По зарубежке всем четвёрки! Правдин никогда бы на это не пошёл!

– А он и не пошёл. Его уволили.

– Правдина уволили? Да это всё равно, что отчислить Ботану! За что?

– Ты не поверишь. За то, что он не посещает свои пары.

– Правдин? Да он, по-моему, один из немногих, кто свои пары посещает... Что он сам говорит?

– Говорит: «Да, двадцать второго я отсутствовал без уважительной причины. Я гулял по облакам. Но это было только один раз». Кстати, Ботана сейчас висит на отчислении. Ей по физ-ре поставили незачёт.

Вита рассказала и про другие эксперименты. Самый безобидный – поставили пять отверстий. Самое большое размером с форточку. Самое маленькое размером с двухрублёвую монету. Положили кусок мыла, сказали: «Пролезайте». Все смогли пролезть в первое и второе отверстие (второе величиной с половину форточки). А в самое маленькое отверстие смогли пролезть только Вита и Серый. К огромной гордости Виты, без мыла.

Был ещё такой, довольно странный эксперимент: Влад Какойтович попросил рассказать о своей любимой вещи, потом положить её в специально очерченный круг. Когда все рассказали и положили, он показал бумагу, что приобрёл этот кусок земли на законных основаниях и всё, что на нём находится, принадлежит ему. Забрал и пошёл.

– И вы, идиоты, на всё это смотрели?

– Мы думали, что он вернёт.

– А он?

– А он не вернул. Представляешь, я-то положила старый шарфик. Голубой такой, тебе он раньше нравился. А, прикинь, Айдия положила сотовый, а Злата ключи от машины. И не отдал.

– Вот вы придурки...

– А что мы могли сделать? Это ж закон. Как его можно нарушить?

– Есть такие законы, которые не только можно, но и нужно нарушать. Это же эксперимент. Он и хотел посмотреть, сможете вы забрать у него свои вещи или нет. А так получилось, что права человека вам не нужны, за свои вещи вы бороться не хотите, зато можете в любую щель без мыла пройти... Он придет, доложит в своей Москве, и они нас ещё сильнее кошмарить будут.

Вита пожала плечами.

– Ты на нас не злишься?

– Вы меня чуть ни убили.

Мы все состояли из глины и пластилина. В ком чего больше. Внутри у каждого был сосуд, в котором горел огонь. Когда огонь гас, человек умирал. Если сосуд разбивался, огонь гас. Мне сказали, мой сосуд дал трещину. Поэтому мне надо быть осторожнее в пять раз. Я теперь могу умереть гораздо вероятнее, чем другие от любой ерунды.

3.

Вита ушла. Небо за окном было серое. Затянутое тучами. Нет, по такому небу я бы не хотела гулять. Когда я однажды сидела на дереве и читала книжку про троллей, небо было голубое-голубое. На нём было много одинаковых ватных облаков. Белые и овальные. Даже не овальные, а в форме чебурека. Такое небо рисуют на красивых картинах. Я не помню, чтобы когда-нибудь видела такое небо во Владивостоке кроме того раза. Обычно оно либо в серых грязных тучах, либо чистое, без облаков.

Нет, это будет не сегодня. Я буду сидеть у себя дома. Не знаю, почему я буду сидеть дома, а не шляться по Набережной с Витой, наверное, все мои подружки заболеют, а я буду сидеть дома и не знать, чем заняться. В мою дверь позвонят. Я вздрогну, потому что никто в мою дверь позвонить не может, но всё-таки пойду открывать. Там будет стоять он. Зачем? Не знаю, наверное, шёл мимо и решил зайти. Или специально ко мне шёл... Например... мы вместе готовимся к выпускному. Да, точно, нас поставят вести выпускной вместе, поэтому он ко мне зайдёт.

Я заварю чай. Нет. Он принесёт пива. Мы сядем, я достану текст, который нам надо выучить, и стану зачитывать свои слова. А когда придёт его очередь, он ничего не станет зачитывать – он будет смотреть. Я покраснею и спрошу:

– Ты чего?

Он тоже покраснеет, потом скажет: «У тебя красивые глаза». Я снова покраснею и больше ничего не скажу.

– Ты когда-нибудь хотела гулять по облакам? – спросит он.

– Не знаю, я никогда не гуляла по облакам. А это прикольно?

– Не знаю, говорят, что прикольно.

– Как думаешь, это окно нас выбрало?

Амо залезет на подоконник, попробует ногой небо и уверенно ответит:

– Да, выбрало.

Я тоже залезу на подоконник и тоже попробую ногой небо. Оно будет твёрдое, как доска.

– Точно, выбрало.

Он возьмёт меня за талию, как брал тогда, когда спросил, больно ли мне. Будет играть классическая музыка. Красивая, торжественная. А если он любит рок, то какой-нибудь хороший рок, тоже торжественный. Что угодно, только не дурацкие частушки. Как они заколебали! Почему я так не люблю частушки? Они бывают либо дурацкие, либо... Они бывают только дурацкие. Их обычно поют под аккордеон ужасным скрипучим голосом с не менее ужасной залихватской интонацией деды, у которых болезнь Айцгельмера уже наступила, а желание нравится дамам ещё ого-го! Поэтому на моём небе никаких частушек!

– Знаешь, я как-то читала книжку про троллей... Тогда было такое же небо, – скажу я.

– «Тёмное царство», Кэти Смит?

(На самом деле, я не помню, как называется книжка про троллей, и кто её написал, но он должен это знать, он же красивый, а значит, умный).

– Да, да, оно.

– Я обожаю «Тёмное царство». Оно нереально крутое.

– Я тоже обожаю. Там эти тупые тролли строили замок, а Леший им мешал. Я не знаю, почему, но я всегда была за Лешего, а за них никогда не была, хотя он злой, а тролли добрые.

– Потому что тролли дебилы, а Леший крутой. Он всем нравится, – скажет Амо.

И всё встанет на свои места, потому что мне всегда даже стыдно было, что в этой книжке мне нравится Леший, и не нравятся тролли.

Я книжку про троллей потеряла, когда переезжала. Наверное, это глупая, плохая книжка, но когда-то она мне очень понравилась. Нет, не понравилась, просто интересно читать было. Интереснее мне никогда и ничего не было читать. Царь троллей написал указ, что надо построить замок и выслал троллям деньги. На месте будущего замка стоял маленький лес и избушка Лешего. Леший сказал, что не даст здесь ничего строить. Но они начали. В замке должны были жить тролли, сдавать комнаты и у всех лесных тварей появились бы

деньги. И у Лешего тоже появились бы. Но он этого не понимал, он выкрал деньги у троллей и хотел сбежать, но его поймали. Тролли были добрые и на первый раз простили Лешего. А он сказал, что они дауны (нет, конечно, он не так сказал, но смысл такой), и он убьёт их всех, а замка здесь никакого не будет. Потом он облил чернилами чертёж. Тролли его побили, но не убили, потому что они были добрые. А Леший сказал, что невозможно построить великий замок на обломках чьих-то прав. То, что они построят, никому не принесёт счастья. Но они хотели красивый замок, потому что тролли жили бедно и белки, и всякие лесные птицы жили бедно. Это нужно было всем. А Лешему было на всех наплевать – он обиделся, что его домик разрушили. Я бы, честно говоря, тоже обиделась, а вы бы не обиделись? Потом они построили какую-то башенку, а Леший сделал подкоп, и башня разрушилась. Его снова поймали и привязали к позорному столбу. Но тролли были добрые, поэтому на него никто не плевал, все просто ходили и стыдили его. Потом они уже половину замка построили, а Леший написал царю, что тролли пропили все деньги, которые он выслал, и чтобы не высылал больше. Царь приехал, увидел, что замок строится, а Леший его обманул. В этой стране тюрьмы не было, а царь был хороший, поэтому просто велел троллям с Лешим не разговаривать. Честно говоря, терпеть не могу этих всех хороших в сказках. Не знаю, почему – дауны какие-то. Не люблю их. Особенно царь, он же по-любому, живёт на деньги всех этих

троллей. Ещё хороший после этого. А Леший ещё сильнее обиделся, что с ним никто не разговаривает и стал сильнее им вредить. Скидывал троллей с башенок. Там несколько себе руки-ноги переломали.

Когда замок построили, тролли написали царю письмо и попросили отдать им столько-то комнат. Леший выкрал это письмо и сжёг. Когда он его сжигал, его застали. Тролли были, конечно, добрые, но сильно обозлились на Лешего. Сколько можно! И решили его покарать. Каждый взял по пять камней и кинул в Лешего. Поскольку троллей было много, а Леший один, он ничего не смог сделать и умер. Там ещё оставалось несколько страниц, но я их дочитывать не стала. Я не хотела читать эту книжку после того, как Леший умер. Наверняка, у них там пир на весь мир. Счастье-разсчастье. Ненавижу все эти хорошие концы. Противно было бы про это читать.

Дверь распахнулась и вошла куча народу.

4.

Из наших были Вера, Айдия, Люба, Ботана, Злата. Из пятого курса был Амо, тот красивый парень, который помог мне встать на лестнице, ещё парни и девчонки, я их знаю только в лицо. Были с третьего курса, немного малых.

– Мы решили зайти ко всем, кто пострадал во имя общего блага, – сказала Айдия.

– Я слышала, ты тоже пострадала. Материально. На что будешь мобильник покупать?

– Ради общественных интересов я готова пойти на жертву.

Айдия сказала что-то ещё, но мне было не до неё. Я увидела, что к тому, красивому парню подошла Вера, глазами указала на меня и что-то шепнула.

– Тебя зовут Фрида?

– Да, – ответила я и покрылась красным, потому что мне было неловко находиться под его взглядом.

– А меня Амо.

– Очень приятно.

Я пыталась улыбаться так, как улыбалась на нашей последней фотографии курса. Я там здорово вышла. Я хотела что-то сказать, но меня опередила Люба.

– Мы тут тебе принесли конфеты и сок. Не обижайся на нас. В конце концов, так для всех лучше. Ладненько?

Люба была очень красивой и нежной. Натуральная блон-

динка с глазами абсолютно неземного цвета. Нечто среднее между голубым и зелёным. Кроткая, скромная. Она всем нравилась. И мне, конечно, тоже. У нас в группе не было ни одной, самой прожжённой сплетницы, которая бы что-то плохое могла сказать о Любе. Её было простить легче, чем любимую подругу Виту и я, легко, как будто ничего и не было, ответила:

– Не парься, я уже забыла.

Ребята сели вокруг моей кровати.

– Это что, у нас вообще жесткач был, – сказала девушка с пятого курса. Я не помню, как её зовут, – Прилепили к тумбочке миллион. Наши ботинки прилепили к длиннющей беговой дорожке. Дорожка медленно отъезжает. Задание – держать миллион и не отпускать. До половины дорожки выдержали все, хоть руки и растянуло. Мне, кстати, тоже растянуло, мне их откорректировали. Когда остаётся одна четверть до конца, Влад, бил всех по рукам. Кто отпускал – тому повезло. Остальным руки поотрывало. Сейчас здесь лежат.

– Что ж вы это позволили?

– Так он же сказал, кто до конца дорожки не отпустит миллион, с ним домой и уйдёт.

– И кто ушёл с миллионом?

– Никто.

– А руки половине поотрывало?

– Так их же прикрепят.

– Но они теперь будут отваливаться всю жизнь.

Вера вскочила:

– Этот человек будет гореть в аду.

– Ты думаешь, ад существует? – испуганно спросила Люба.

– Конечно. И горят там вечно. В огне, который отличается от нашего огня, как нарисованный от обычного.

– Ада не может быть, – вставила Ботана, – По законам физики никто не смог бы жить при температуре, которая внутри Земли, к тому же, с момента появления первого человека, по сегодняшний день слишком много людей совершили преступления. Ад бы переполнился.

– Если ты так говоришь, и ты будешь гореть в аду. Там сидит дьявол и всех бьёт раскалёнными железными прутьями. Его слуги, черти, заковывают непослушные души в кандалы и заставляют работать, а тех, кто плохо работает, бьют плетью. И тебя будут бить, если ты не веришь в ад.

Ботана задумалась:

– Хотя это невозможно, кто знает? Я верю в ад. Просто мне же никто не показывал его фотографии. Как я могу знать наверняка...

Я тоже задумалась. Лучше верить в ад, чем не верить. А вдруг, окажется, что он есть, и меня, за то, что я не верю в него, туда кинут. На фиг, на фиг.

– Вера, я одного не пойму. А что они им говорят? – спросила я.

– То есть?

– Что бы держать кого-то целую вечность там, где очень горячий огонь, где его бьют и заставляют работать, надо что-то говорить, чтобы они не сбежали.

– От туда невозможно сбежать.

– Вера, у них целая вечность. За это время можно вырыть туннель, разбить цепи, подкупить кого-нибудь. Почему они там сидят? Что им говорят?

– Говорят, что при жизни они были несправедливые и злые, Бог распорядился их наказать, поэтому они в аду.

– Дьявол, которого Бог заточил в эту жуткую камеру, будет ссылаться на его авторитет?

– Наверное, им говорят, что когда это всё закончится, они получат кучу денег, – предложила Злата.

– Злата, это никогда не закончится. Это ад. Это вечность, – ответила Вера.

– А знаете, что они говорят, – вставила я, – нам вот что, говорят, в универе и общежитиях? «Если будете делать то и то, мы вас выгоним». Наверное, им говорят то же, пугают ещё худшим адом.

– А я думаю, всё совсем по-другому. Если они там сидят вечность, из ада выбраться реально нельзя, – сказала Ботана.

– Да можно, отовсюду выбраться можно, если ты хочешь.

– Если ты – это ты, а не клетка в организме. Вот представь, у тебя в организме какой-нибудь клетке не нравится, например, не хватает питания. Что она сделает?

– Перестанет работать.

– Этого она не может. Если она перестанет работать, ей вообще ничего не достанется, и она умрёт. Клетка может только умереть. А в аду умереть невозможно.

Девчонки ещё о чём-то говорили, а мой взгляд остановился на Амо. И хотя Вера ему про меня, ясное дело, рассказала, я его уж точно не заинтересовала. Амо и Люба играли в переглядки. Она подымет глаза, наткнётся на его взгляд – опустит. Он тоже, смотрит на неё, пока она опустила глаза, как только она их подымает, они встречаются и оба отводят взгляд.

Мне казалось, что я симпатичная девчонка. Я только сейчас поняла, какой нелепой кажусь со своими синими нечесаными волосами. Конечно, или белоснежка Люба в ярко-розовой блузке с кукольными ресничками, с идеально ровной кожей. Или я с пирсингом в подбородке, на языке, в носу и с двумя серёжками в правой брови. Ей-богу, ёжик, а не девушка. Мне захотелось это всё тут же снять и стать такой же, как она. Или хотя бы такой, какая я от природы. Но было уже поздно. Он меня уже не заметил.

Амо что-то тихо спросил у Любы. Она улыбнулась. Я не слышала, о чём они говорят – только видела, как шевеляться их губы. И видела, что они, как будто, вдвоём, и им приятно быть вдвоём.

Ребята стали прощаться, и пошли в другую палату. Я видела, как в дверях Амо взял Любу за руку. Робко взял, едва коснувшись её пальцев. Он даже не обернулся. Он шёл, что-

бы посмотреть на меня, а увидел её.

Осталась только Ботана.

У нас её никто не любил, не любила и я. И предпочла бы, чтобы она ушла. У меня испортилось настроение. Я больше никого не хочу видеть. А если бы кого-то и хотела, то Виту, чтобы рассказать ей. А эта дура пусть идёт с ними.

Мы не сволочи. Ботану реально есть за что не любить. Она с виду противная – толстая, с расчёсанными в коричневое облако кудряшками, которые она всегда убирает в загогулину на башке, с огромными брежневскими бровями. Если её накрасить и приодеть, может, была бы обыкновенная девчонка, а в полудетском комбинезоне и свитере, покрытом катышками, она просто отстойник на ножках. Говорить с ней невозможно. Когда она раскрывает рот, ты вынужден кивать в ответ, потому что сказать тебе нечего. «Излагает свои мысли» (её, кстати, термин) она больно умно. Но умно не в смысле ты думаешь: «а ведь оно реально так», а умно, в смысле за гранью твоего понимания. Вот чего это она начала сейчас про клетки молот? Клетка – это вообще тупорылое существо. Это вообще даже не существо. Она же не может подумать, что хреново ей в этом теле, собрать манатки и свистнуть. А человек не клетка. Если ему плохо в аду, за целую вечность он нашёл бы способ от туда выбраться. Наши преподы говорят, что именно такие люди, как Ботана, совершают великие открытия. Телефоны всякие придумывают. А по-мне, если Ботана что-нибудь изобретёт, то это будет такая

никому ненужная хреновина.

– Ты чего не со всеми? – спросила я.

Она пожала плечами.

– Меня отчисляют.

– Меня отчисляют каждый семестр. И что?

– Но меня не за что.

– За то, что ты протупила на эксперименте.

Я видела, как Ботана вжимается сама в себя. Мне даже стало её жалко. Она же не виновата, что родилась такой никчёмной.

– Я посещала все занятия по физкультуре. За четыре года я пропустила только один раз без уважительной причины. Соседки по комнате сломали мой будильник, и я проспала. Это несправедливо.

– Ботана, ты реально думаешь, что всё в этом мире достается трудами праведными? Этим ты только на хлеб зарабатываешь, и то, уценённый потому что просроченный. Машины, дома, миллионы получают совсем другим образом.

Ботана подняла на меня свои маленькие глазки, в которых сосредоточились все передовые достижения цивилизации. Я видела, как эти две грязно-зелёные точки наполняются влагой.

– Я на всё ходила, я всё сдавала вовремя. Это несправедливо, – сказала она и разрыдалась.

Я видела, как ходят её плечи под уродливой, вышедшей из моды олимпийкой.

– Что мне делать?

– Пригрози, что потащишь в суд и ректорат, и деканат за то, что они с нами сделали.

Когда она это услышала, она испугалась. У неё округлились глаза и задрожали губы.

– Только ты этого не сделаешь. Ты, скорее всего, договоришься, что будешь ходить на дополнительные занятия по физ-ре в следующем семестре. К концу года ты получишь два зачёта за этот и прошлый семестр. И для тебя это будет легко, проще, чем для нормальных людей. Так что не парься.

– Фрида, я напишу за тебя дипломную, если ты это сделаешь за меня.

– Ходить на физ-ру?

– Нет, сказать.

Теоретически, я сама очень хотела ворваться в деканат, разораться, что они творят произвол, что я это так не оставлю и потребовать... Только мне нечего требовать. У меня закрыты все зачёты, и сданы все экзамены. Мне нечего волноваться за эту сессию. Ради Ботаны я этого делать не буду. Я не идиотка. А дипломную я знаю, где купить. Да и ей это на благо – пусть учится стоять за себя.

– Нашла дуру. Если ты это скажешь, я тебя поддержу, а так... Ходи на физ-ру по второму кругу, если больше ничего не умеешь.

Ботана вскочила, вышла, забыв попрощаться.

5.

Через неделю меня выписали. Преподы были удивлены, что я стала появляться на парах. Естественно, их болтология мне была не нужна. Я хотела видеть Амо. И видела я его часто. Он приходил к нам на пары, сидел на задних рядах с Любой. Шептал ей что-то. А у неё при этом было такое довольное, такое ангельское личико, что хотелось надавать ей по щекам. Люба любила приходиться в курилку с ним в обнимку, закатывать глазки и показывать какое-нибудь плюшевое сердечко, которое подарил Амо. Он говорил: «Зая» и целовал её в лобик.

– Спорю на что угодно, через месяц поженятся, – кричал кто-то из девчонок.

А меня это просто выворачивало. Я первая его увидела. Я первая захотела гулять с ним по облакам. Я тоже не уродка. Почему так вышло? Я покрасила волосы в белый, седой цвет, нарисовала на щеке чёрню слезинку, купила крылья ангела, и стала так ходить в универ. Когда из курилки уходили они, а следом я, я слышала за спиной шепоток: «Бедная Фрида». А это значило, что мои чувства раскрыты. Вечерами я старалась где-нибудь бухать. И от этого засыпала. Потому что думать о нём стало больно. Нет, я всё ещё представляла, как мы ходим по облакам. Но потом осекалась – он будет ходить по облакам с Любой. И плакала-плакала. Но завтра я снова

шла на пары. Садилась к ним поближе.

В тот день они сидели за моей спиной. Преподша что-то гнусаво рассказывала про права человека. Говорила, что их надо знать и стыдила очередного двоечника за то что (подумайте, какое преступление!) к сегодняшнему занятию не выучил конституцию.

– Ну что, сегодня? – тихо спросил Амо.

– Я боюсь, – ответила Люба.

– Не бойся, – он поцеловал её в лоб, – если ты этого хочешь, мы не разобьёмся, потому что я этого хочу.

– Я хочу, но я не понимаю, как это выйти из окна и пойти по небу. Мне кажется, это нереально, это легенда.

– Фрида, – услышала я громкий голос, но не обратила внимания.

– Хорошо. Я знаю старый двухэтажный дом. Если мы пойдём с его крыши, мы не уьёмся. Максимум – переломаем ноги. Я, на всякий случай, соберу листву, чтобы, если что, было, куда падать. Пошли...

– Фрида, – прозвучало громче.

– А, ну так я согласна, – сказала Люба.

– Фрида, ты с кем там гуляешь по облакам? – наконец выпалила преподша.

Вся засмеялись, потому что знали с кем я гуляю... Вернее, не гуляю.

– Чего, я прослушала.

– Назови конституционные права человека.

Я, естественно, ничего не учила дома. Какие у человека права, я не представляла. Надеялась, что кто-нибудь подскажет. Посмотрела на Ботану, она сидела рядом. Ботана отвернулась и принялась дорисовывать у себя в тетради зайчика. Она вообще на меня обиделась, после того, как получила дополнительную порцию физ-ры в следующем семестре. Тем более, физ-ру она терпеть не могла. Остальные не знали.

– Ну... Да тут гением быть не надо. Самое элементарное, что человеку необходимо.

– Учиться, – смекнула я.

– Правильно, право на образование. Ещё...

– Есть, спать...

– Что значит «есть, спать»? Есть или спать?

– А это разные права?

– Да, право на жизнь и право на отдых. Очень плохо, Фрида. Четыре.

Ботана подняла руку:

– За что четыре? Она же вообще ничего не знает.

– На троечку она ответила. В этом семестре все получают оценки на бал выше. Но не расслабляйтесь. Это только в этом семестре.

Ботана подписала себе приговор. Если раньше я её просто не любила, сейчас я ей устрою сладкую жизнь.

– Вы этим дискредитируете оценочную систему всего университета.

Юридика растерялась.

– Ботана, да ты что, ты же всё знаешь...

– Скажем, я получу реальные оценки – я отказалась участвовать в эксперименте, а вот Фрида непонятно за что станет хорошисткой. Придёт она со своими четвёрками устраиваться на работу. А там бах и выяснится... А следом я с точно таким же дипломом... Специалисты нашего вуза не будут котироваться, если тогда, когда человек заслужил двойку, ему ставят четыре.

Я видела, как мечется Юридика. Да, это что говорит всё верно. Но четыре по юриспруденции! Блин, это очень-очень круто. А если она сейчас влепит мне пару, у меня выйдет тройка в итоге.

– Не ставьте мне двойку! Я хорошо знаю уголовный кодекс! Могу рассказать, – выпалила я.

– Знаешь, Фрида, уголовный кодекс тебе, скорее всего, не пригодится никогда. А вот права человека людям твоей профессии, да и вообще любому, необходимо знать. На самом деле, их всего десять. Право на жизнь. Право на отдых. Право на образование. Право на жилище. Право на труд. Право на брак и безбрачие. Право на здоровье. Право на вероисповедание. Право на защиту. И право на мечту.

– Это что, правительство должно исполнять все мои мечты?

– Нет, конечно, просто никто не имеет право издавать законы, в связи с которыми тебя обязывают хотеть то, что ты не хочешь. Также никто не имеет право выпускать законы,

делающие невозможными исполнение чьих-либо законных желаний.

– Это как?

– Если кто-то мечтает купить машину, никто не имеет право выпускать закон, запрещающий покупать машины.

– Ну, это ведь глупость.

На меня оставились все.

– Какому идиоту понадобится отменять машины? Все ж, власти всякие, итак воруют, и никого не сажают.

– Ты плохо знаешь историю. Права человека, даже основное право – право на жизнь – невыгодны власти, и она всегда старается их отнять. Их надо знать, иначе с тобой могут сделать всё, что захотят.

– Давайте, я к следующей паре выучу все права и свободы человека, а сегодня вы поставите мне точку.

Юридика согласилась. Вообще, я разозлилась на Ботану, но, знаете, иной раз какой-то пустяк переворачивает всю твою жизнь. А, если ты какая-нибудь важная шишка, иногда и весь ход мировой истории. Права человека надо было выучить. Ибо дальше жизнь показала, как они нужны и важны. Но тогда я этого не понимала. После пар я взяла Виту, мы подкараулили Ботану во дворах. Она сначала улыбнулась своей тупой овечьей улыбкой и сказала, что ей надо спешить.

– Куда тебе спешить, на ещё одну физ-ру? – спросила я.

– Что я сделала не так? – спросила она.

– Знаешь что, сейчас всем выпала гигантская халява. Мы

её заслужили. Если ты не в теме – это твои проблемы, – встала Вита.

– Давай, ты больше не будешь выпендриваться. Мы получаем те оценки, которые нам полагаются, ты – те, которые полагаются тебе. В наши дела ты не лезешь.

Ботана хлопала глазками и готова была расплакаться.

– Ты можешь сказать, на фига ты это сделала? – спросила Вита.

Ботана молчала.

– Слушай, мы тебя бить не будем. Просто скажи, на фига?

– Это несправедливо. Каждому должно воздаваться по труду.

– Вот иди и отстаивай свой труд. Правдина выгнали ни за что и тебе незачёт вlepили ни за что. У тебя есть право получить этот долбанный зачёт. Иди и добивайся. Мы тут ни при чём вообще.

Я думала, Ботана сейчас разревётся, извинится. Но она втянула в себя эмоции. Чётко и внятно ответила:

– Думаешь, стоит добиваться?

– Думаю, стоит. Но не за мой счёт.

– Ты права.

Она развернулась и пошла.

– Ботана, ты всё поняла? – крикнула вдогонку Вита.

Она обернулась.

– Я не хотела этого говорить. Зачем-то это было надо. А ты права человека выучи, они нужны не мне и не Юридичке.

Это надо тебе.

Мы с Витой всю дорогу материли Ботану. Обсуждали, какая у неё идиотская причёска, какой она купила дурацкий пуловер, да и вообще, какая она debilka. Остановились возле шара гласности. Сообщалось, что Влад, воспользовавшись законом «О приватизации» записал в свою собственность Чёрное озеро.

– Во даёт мужик. Голова варит, – вырвалось у Виты.

Чёрное озеро – это все деньги нашей страны. Мы их разливаем по баночкам и меняем на всё, что угодно. И хотя они пачкают руки в маслянистый чёрный цвет, мы их всё равно очень любим.

Человек из шара показал нам рыжего дядьку, наверное, очень умного. Этот дядька сказал, что никак нельзя было разрешать обносить забором и, тем более, отдавать в собственность Чёрное озеро. Это грозит беспорядками в стране, безработицей и диктатурой.

– Сволочь этот Влад. Но мужик крутой, – восхищённо повторила Вита.

А я подумала, что скоро, года через три, буду также сидеть с умным видом в шаре и задавать вопросы какому-то рыжему дядьке. Мы учимся на говоролок, так нас прозвали в народе. Наша будущая задача – сидеть на высоких башнях, смотреть, что у кого происходит и докладывать об этом в эфир. Благодаря этому нас будут узнавать на улицах, а это круто. Говорят, благодаря нам сохраняется демократия, гласность

и прочее, ради чего история человечества пережила массу войн и революций. Но мне кажется, это всё фигня. Просто народу по кайфу – идёшь с работы, а из шара кто-то рассказывает, с кем спит твоя соседка.

Глядя на ограждённое забором озеро, я вдруг вспомнила, что хотела посмотреть, куда пойдут Люба и Амо, и как они будут ходить по небу. Честно говоря, я желала им разбиться. Если не насмерть, то хотя бы очень сильно. А Амо не просто разбиться, а покалечиться так, чтобы его невозможно было восстановить. Тогда приду я, скажу, что он мне нужен и такой. И мы пойдём по облакам.

...

Завтра я ждала, что они будут сидеть на задней парте, шептаться, как там, на небе. Я буду слушать это и ненавидеть весь мир. Но они не пришли. Я подумала, что они ушли по небу далеко-далеко и не хотят возвращаться, но всё было гораздо хуже. Народ поговаривал, что они разбились. И, кажется, Люба умерла. Я с трудом дождалась конца пар и побежала в больницу. Там ответили, что Амо выписали, а Люба поломала ногу. Я забежала к ней. Она плакала.

– Я не понимаю, почему это произошло. Я этого хотела. Он тоже.

Амо и Люба выбрали низкую крышу. Специально, чтобы, если что, разбиться не насмерть. Натаскали листьев, веток. Они были уверены, что легко пойдут по облакам, но, когда они сделали шаг, полетели вниз. Потом сильный удар. Потом

боль. А вокруг никого. Он не хотел помогать ей встать, да и не мог, у него самого было что-то с ногой. Он пополз на дорогу, звать на помощь, а она осталась одна. Она его ждала-ждала. Было холодно, дул сильный ветер. За ней пришли где-то к вечеру, родители. Мать сказала: «Этого и следовало ожидать». Больше Люба не видела Амо. И не хочет видеть. И ни с кем никогда по облакам больше не пойдёт.

Это только кажется, что когда кто-то разбивается, хотя ты ему это желал, тебе становится хорошо. Глупости! Зависть – великое чувство, способное свернуть горы. Если у кого-то получилось гулять по облакам, приватизировать Чёрное озеро или купить домик в ипотеку, это может получиться и у тебя. Это окрыляет. Если кто-то разбился, значит, можешь разбиться и ты.

Но я побежала к его дому. Он сидел на лавочке и пил пиво с парнями со своего двора.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – ответил он.

– А я тут мимо шла... Ты какой-то странный, что-то случилось?

Он улыбнулся, не желая продолжать эту бессмысленную игру.

– Лиана, тебя кажется так зовут?

– Фрида.

– Ты прекрасно знаешь, что мы разбились. И мимо ты не проходила, а шла специально. Посмотрела? Иди дальше.

– Я говорила с Любой...

– Я не хочу о ней слышать.

Мне было странно, что он не хочет. Она не виновата в том, что случилось. Просто та крыша, с которой они упали, их не выбрала. Нельзя запланировать чудо, а они попытались.

– Она должна была сказать, что не хочет этого, – выпалил он, – тогда мы бы не разбились.

– Она хотела, просто в последний момент испугалась, – соврала я, – если один зовёт, а второй боится, ничего не выйдет. Это все знают.

– Тогда что здесь делаешь ты?

– Прекрати. Уж я-то в этом точно не виновата.

– Что ты за мной бегаешь, ты мне не нравишься!

Да, я понимаю, что не красавица, понимаю, что со мной ему не хочется даже сидеть рядом, не то, что шагнуть в пустоту. Но зачем со мной так?

– Что смотришь? Для меня, что ты есть, что тебя нет. Ты бесполоя.

Я развернулась и побежала. Я бежала-бежала...

6.

И вдруг наткнулась на башню. Зашла.

– Ты к нам на практику? – спросила вахтёрша.

Я кивнула. Мне показали направление и на бумажке написали человека, к которому надо обратиться. Чёрт! Я курса с первого, а то и раньше мечтала, что однажды войду в башню, и мне напишут человека, который меня возьмёт. Но каждый раз, как я оказывалась у дверей башни, они были закрыты для меня. Помню, наш опальный Правдин сказал как-то «Двери башни откроются тогда, когда вы будете к этому готовы». Два раза в неделю я исправно приходила к дверям. Я мечтала видеть город с самой высокой его точки. Я мечтала говорить так, чтобы меня мог слышать каждый. Я ещё не знала, что и как буду говорить, но была уверена, что в этом моё призвание. Но чёртовы двери всё не открывались, и я разуверилась, что там, за ними кто-то есть, и, тем более, могу оказаться я.

Я шла по крутой извилистой лестнице наверх. Её перила и ступеньки были очень красивыми. Перилла резные, украшенные позолотой и камнями. Ступеньки частые маленькие из мрамора. На лестницу было приятно смотреть снизу, но подниматься по ней было одним мучением, ибо и ступеньки и перилла были абсолютно нефункциональными. На мраморе ноги скользили так, что, казалось, сейчас ты рухнешь

вниз. В этих, слишком частых ступеньках, ноги просто путались. За перилла держаться было невозможно. Когда ты хватаешься за них, тебе кажется, что хрупкое ограждение рухнет. От чего ещё страшнее идти. Кроме того, перилла имели так много декоративных иголочек, выступов и изгибов, что держаться было не за что. Мне надо было вверх. И сейчас уже не имело значение, есть Амо или нет. Мне надо было вверх и надо было не упасть, иначе придётся горько признаться себе, что ты ничтожество и плестись обратно.

Благо, на лестнице меня догнала женщина.

– Вы к кому? – спросила она.

– Мне нужна женщина по имени Лада. Фамилию не запомнила.

– Это я. Ты практикантка?

– Да.

Лада взяла меня под руку.

– Тут очень легко полететь. Будь осторожна.

Лада шла уверено. Она была каким-то редактором на башне. Я же ступала робко, из-за чего задерживала не только себя, но и её.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Фрида.

– Как «свобода» по-английски. Что ж, хорошо, если так.

На каком ты курсе?

– На четвёртом.

– Неплохо.

Лада отпустила мою руку, я жутко испугалась. Я хотела схватиться за неё, но приличия и гордость не позволили.

– Зачем ты здесь? – спросила Лада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.